

жалобы гражданина Никифорова Геннадия Яковлевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 55, статьей 60 и частью третьей статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=539095#09151503313450766> (дата обращения: 26.06.2019).

32. Воронина И. Е., Квасов П. В. Проблемы онтологического моделирования в уголовно-правовой сфере // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Системный анализ и информационные технологии. 2011. № 2. С. 154–163.

33. Лукьянова Е. Г. Учение о законе в политико-правовой мысли России XIX–XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 425 с.

34. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.

35. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 136 с.

36. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с.

37. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Официально-деловой дискурс: психолингвистическое исследование восприятия интруктивного документа методом «встречного текста» // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2013. № 37 (328). С. 16–22.

© Батюшкина М. В., 2019

УДК 81'337.7

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-70-74

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

В статье рассматриваются приемы создания окказиональных фразеологических дериватов и собственно индивидуально-авторских фразеологических единиц, выявляются закономерности и связанность с элементами среды: лексемное и фраземное окружение, речевая ситуация, лексическое значение исходных слов свободного употребления и внутренняя форма фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, деривация, окказионализм, фразеобразованье, мотивировка значения, узус, внутренняя форма.

THE OCCASIONAL DERIVATION IN PHRASEOLOGY AND AUTHOR'S INDIVIDUAL PHRASEOLOGISMS

The article discusses the methods of creating occasional phraseological derivatives and author's individual phraseological units proper. It reveals patterns and relationships with environmental elements: lexical and phraseological surrounding, speech situation, lexical meaning of source words of free usage and the inner form of phraseological units.

Keywords: phraseologism, derivation, occasionalism, phrase formation, motivation of meaning, uzus, inner form.

E. A. Glotova

E. A. Glotova

В свое время Б. А. Ларин, указывая на непрерывность обогащения фразеологического запаса русского языка, писал: «Нет никаких оснований отрицать дальнейшее обогащение языка фразеологическими средствами на современном этапе его развития. Путь мысли от частного к общему отражается в языке созданием метафорических, образно-иносказательных выражений, а дальше — отвлеченно-типичных формул и условно-символических обозначений. Иными словами, создание фразеологических словосочетаний неотъемлемо присуще историческому развитию, обогащению и совершенствованию языка» [1, с. 145].

Общезвестно, что фразеологические единицы (далее — ФЕ) обычно образуются в результате переосмысления свободных словосочетаний. Появление новых фразеологизмов в речи возможно и в результате вторичного фразеобразованья, т. е. на базе уже существующих ФЕ. Такой процесс называется фразеологической деривацией. Окказиональные фразеологические дериваты обладают идиоматичностью и образной мотивировкой. При этом происходят как формальные изменения, так и семантические преобразования, которые затрагивают предметно-логический, а не коннотативный аспект значения.

Окказиональная фразеологическая деривация представляет определенные модели и типы:

- образование окказионального деривата по аналогии:
 - полная структурно-семантическая аналогия;
 - неполная структурно-семантическая аналогия;
- образование окказиональной фразеологической единицы в результате контаминации двух (и более) ФЕ;
- выделение окказиональной ФЕ из состава более сложного фразеологизма;
- образование окказиональной ФЕ по конверсии.

Образование окказиональных ФЕ по аналогии — довольно частое явление, что доказывает факт моделируемости фразеологических единиц, хотя ранее считалось невозможным говорить о понятии «фразеологическая модель», что объясняли иррегулярностью формы и содержания ФЕ, т. е. идиоматичностью.

Моделированные ФЕ создаются по аналогии с уже существующими узуальными фразеологизмами, носят индивидуально-авторский характер, функционируют, как правило, только в тексте, в котором они были созданы, хотя часть из них со временем могут закрепиться в языке и стать общеупотребительными. Как писал В. М. Мокиенко, «чем понятнее образ,

лежащий в основе фразеологизма, тем активнее может производиться такая единица по модели» [2, с. 75].

Созданные по аналогии окказиональные дериваты могут вступать с узуальными ФЕ в системные отношения, синонимичные или антонимичные. Например, окказиональная фразеологическая единица *с одних саней оглобли* вступает в синонимические отношения с одноструктурными фразеологизмами *одного поля ягодка*, *одного сукна епанча*, *одного дуба желуди* и т. п. Все они объединены значением «очень похожи друг на друга в каком-либо отношении, в особенности своими недостатками» (здесь и далее: значение узуальных ФЕ сформулировано нами с опорой на [3; 4], значение окказиональных выведено самостоятельно): — *Придерживайтесь регламента! — Осип угрожающе закрыл глаза. — Ага, припекло маленько! — обрадовалась Чугуева, притянула его к себе и проговорила, словно по секрету. — Уж не знаю там, правый ты или левый, а что лодырь ты и первый вор на шахте, это мне известно. Мы же с тобой — с одних саней оглобли* (С. Антонов. Васька). Внутренняя форма новой ФЕ позволяет кратко, но четко показать одинаковое социальное происхождение героев, передать частичную самохарактеристику героини.

Есть и необычный цветочный ряд, Зоя Матвеевна назвала его «интернационал». Он сформировался по принципу «с борю по сосенке» (Вечерний Омск. 2005. 10 нояб.). Ср.: *с миру по нитке (С миру по нитке — голому рубаха)* — «ото всех понемногу — и получается нечто значительное, осязаемое для кого-либо одного».

В результате образования окказиональных ФЕ по контрасту возникают одноструктурные антонимы. Например, узуальный фразеологизм *разжимать зубы* в значении «говорить, произносить что-либо» и окказиональный дериват *прижать зубы* в значении «перестать говорить, произносить что-либо»: — *Прижми-ка зубы, сестрица, — Сашка сдвинул черные брови. — Ой-ой, не грозись! Не таких грозных видела* (С. Михеенков. Ночь расставания). Деривационный активный глагольный компонент узуальной ФЕ выступает репрезентатом свойств ФЕ, которые реализуются антонимичным значением в производной ФЕ.

На базе ФЕ, образованных по модели фразеологической антитезы, в речи могут создаваться одноструктурные фразеологические дериваты посредством семантической инверсии, в результате чего образуются антонимичные единицы. Например: — *Старик, это же бочка дегтя к нашей ложечке меда!* (А. Молчанов. Новый год в октябре). Образованный посредством семантической инверсии фразеологизм *бочка дегтя к нашей ложечке меда* антонимичен узуальному фразеологизму *ложка дегтя в бочке меда* («самое малое плохое портит что-либо большое»). Следует отметить, что одновременная окказиональная замена одного из компонентов производным с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*ложка — ложечка*), обладающим эмотивным значением по сравнению со стилистически нейтральным словом с производящей основой, способствует усилению экспрессии и гиперболизирует значение окказионального деривата: то маленькое хорошее, что есть в поступках героев, перекрывается всеми остальными корыстными делами и желаниями.

Окказиональные фразеологические дериваты могут основываться на неполной структурно-семантической аналогии: также характерны моделируемость образной и морфолого-синтаксической структур, использование отдельных компонентов исходной ФЕ, при этом вновь образованный фразеологизм не вступает с производящей единицей в системные отношения. Например, узуальный фразеологизм *голубая кровь* со значением «человек дворянского, аристократического происхождения» и окказиональная единица *свекольная кровь* со значением «здоровый, цветущий, с румянцем человек»: *Нине-маленькой срочно нужно было похудеть. Ей досталась не только мамино имя, но и мамина комплекция: обе коротенькие, толстенькие краснощекие, отец смеялся: «Свекольная кровь»* (В. Алексеев. Прекрасная второгодница). Наличие синонимического ряда *коротенькие, толстенькие, краснощекие* в ближайшем окружении фразеологизма позволяет правильно воспринять семантику ФЕ.

Окказиональные дериваты образуются и в результате контаминации двух (и более) фразеологических единиц. «При исследовании живого языка подобные факты неочень редки, так как они содействуют в пользу понимания фразеологической единицы как феномена прежде всего семантического» [5, с. 29].

Самый простой тип контаминации — это соединение частей двух фразеологизмов с разным лексическим составом, но с одинаковой синтаксической структурой и смысловой близостью, на основе которой и происходит контаминация. Например: *В благодарность за работу он сообщил Боре, что пожарник непременно поймает с плеткой и снурком с него шкурку, как с перезрелого банана* (Н. Леонов. Профессионалы). В результате перекрестной субституции компонентов фразеологизма *спустить шкуру* в значении «наказать розгами, плетью, выпороть, высечь» (это значение поддерживается в тексте употреблением сочетания *пожарник поймает с плеткой*) и ФЕ *снять стурку* в значении «отчитывать, ругать, пробирать» образован окказиональный дериват *снять шкуру* со значением «строгое наказание». Контаминация осложняется одновременной заменой именного компонента производным с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что оправдано дальнейшим употреблением сравнительного оборота «как с перезрелого банана». Происходит актуализация образного плана окказионального деривата.

Контаминация может быть мотивирована тем, что контаминируемые слова близки по семантике и способны и в прямых словосочетаниях к взаимозамене. Так, в контексте *О сыропятской эпидемии забили во все колокола* (Вечерний Омск. 2005. 23 янв.) окказиональный дериват базируется на контаминации двух единиц: *бить тревогу* со значением «обращать всеобщее внимание на грозящую опасность, стремиться предупредить ее, призывая к борьбе с ней» и *звонить во все колокола* «во все услышание, повсюду, всем говорить, рассказывать о чем-либо». Толковые словари к глаголу *бить* фиксируют значение «ударями производить звуки», в качестве примера приводится словосочетание *бить в колокола*.

Возможна контаминация фразеологизмов, не обладающих семантической близостью. Объединение происходит на основе различных ассоциаций. Например:

*Какой, к черту, поэт ты, «народа глас»?
Что **разинул** свой **каравай**?
На глазах у двенадцати тысяч пар глаз,
Сделай что-нибудь, а не болтай!* (А. Вознесенский. Ров)

Окказионализм создан автором в результате контаминации ФЕ *разинуть рот* со значением «начать говорить что-либо, выражать свое мнение» и пословицы *На чужой каравай рот не разевай*. Скрещивание происходит на основе общности компонентов и ассоциации по форме: раскрытый рот и каравай — круглые по форме.

Порой контаминация бывает неудачной, что позволяет отнести такие образования к речевым ошибкам. Так, при контаминации фразеологизма *выбросить за борт* в значении «отвергать, устранять как что-то ненужное, непригодное» и ФЕ *выставить за дверь* в значении «выгнать, приказывать, чтобы ушли» образуется окказионализм *выставить за борт*: *Скачков засмеялся. Коленька улыбнулся в ответ. И все это веселое взаимопонимание в охваченной сном палате показалось Валерию уже естественным и приятным, как то состояние, когда дела в команде идут недурно, а до ответственных стартов еще далеко. И сам ты, и товарищи твои знают, что еще долго жить и трудиться вместе, пока неудача не **выставит** кого-нибудь **за борт*** (А. Голубев. Высшая степень риска).

Если обратиться к толковым словарям, то можно отметить, что глаголы *выбросить* и *выставить* имеют общие ядерные семы и обозначают близкие понятия, соответственно: «бросить вон, наружу, прочь» и «поставить наружу, за пределы чего-либо». Окказиональная замена позволяет актуализировать сему «предел чего-то», т. е. возникает образ черты, стены, разделяющей людей. Однако при этом контаминация является неудачной, так как борт — это боковая стенка судна, а за него можно только выбросить, перебросить, перекинуть и т. п. (Ср.: дверь — проем, отверстие в стене для входа и выхода, за ее пределы можно выставить, выкинуть, вышвырнуть и т. п.)

Еще, на наш взгляд, неудачный пример контаминации фразеологизмов *лапшу на уши вешать* со значением «обманывать, намеренно вводить в заблуждение» и *капать на мозги* со значением «постоянно возвращаться, вновь и вновь твердить кому-либо об одном и том же»: *Ты мне **на мозги макароны не вешай**... Едешь ты, значит, Михайлов у тебя в кармане брюк. Купил, значит, ты его. И давно пора. Он глупый* (А. Молчанов. Новый год в Октябре). Образованная единица имеет значение «постоянно обременять кого-либо пустыми разговорами, заботами, приставать с глупостями, пустяками». При этом следует отметить, что глагол *вешать* имеет значение «помещать в висячее положение», а на мозги, в крайнем случае, можно только положить.

При контаминации может наблюдаться не просто взаимозамена компонентов, но и изменение форм слов под влиянием грамматических отношений, вызванных этим процессом. Например: — *Ты, Леня, обиду не копи. — Саша Прохоров широчайшей ладонью прижал тонкую кисть Самоненко к столу. — Нам **на одном ковре кувыркаться*** (Г. Леонов. Профессионалы). Окказиональный дериват *на одном ковре кувыркаться* со значением «вместе отве-

чать за общие поступки, отчитываться перед начальством за плохо сделанную работу» создан в результате контаминации двух единиц (*стоять на одной доске* «быть равным в каком-либо отношении» и *вызвать на ковер* «привлечь к ответу, вызвать для выговора») и осложнен заменой компонента *стоять* стилистически маркированным глаголом *кувыркаться*. В результате возникает единица, обладающая субъективной модальностью и экспрессивностью, актуализируется сема «изворачиваться, выкручиваться, оправдываться». В краткой образной форме автору удается передать все трудности предстоящего объяснения героев с начальством.

В следующем примере на семантический стержень фразеологизма *ищи* — *свищи* в значении «не вернешь обратно, не найдешь», представляющего собой основу контаминированного фразеологического комплекса, «нанизывается» фразеологизм *днем с огнем* (*не найдешь*) со значением «очень трудно, с большим трудом». При этом происходит редукция компонента *днем* и замена компонента *с огнем* словом с общей семой со свечками: — *Подойдет такой мухолоб сзади, шкворнем по черепу саданет, к ногам груз прикрутит и в Волгу. **Ищи**, потом, **свищи со свечками**, куда это подевался товарищ Ежов. А он на дне лежит, с рыбами беседу ведет* (В. Поголяев. Разбитое зеркало).

Образование окказионального фразеологизма может идти путем вычленения из состава более сложной ФЕ, пословицы, поговорки, устойчивой фразы. Довольно часто можно встретить в качестве окказионального деривата часть поговорки *Первый блин комом*: — *Руки, пожалуйста, подальше! — попросил он и, расплескивая кипяток, роняя его дымящиеся куски на печь, залп первый чайник. — Извините, девочки, — **первый блин!*** (Л. Хахалин. Последние каникулы). Еще пример: — *Мода — вещь переменчивая. И потом, первый опыт... **Первый блин!*** (А. Алексин. Очень страшная история). Таких примеров употребления достаточно много. Скорее всего, следует уже говорить о появлении общеупотребительной фразеологической единицы со своим значением «первая попытка; неудача, оплошность, о том, что сделано плохо».

Встречается обособленное употребление части фразеологизма и ее взаимодействие с узуальной ФЕ в пределах сложного синтаксического целого. Например, узуальный ФЕ *скрутить в бараний рог* со значением «принуждать, притеснять, добиваться покорности, полного подчинения» и производный — *бараний рог*: — *Ты ведь сам не хочешь этой свадьбы, Скачков! — как эхо откликнулась Катя. <...> Видишь ли, в этом процессе есть маленькая особенность — желание должно быть обоюдным! — И с твоим чемпионским характером и не задавить маленькую безвольную женщину? Не ври, Скачков! — Безвольная?! Маленькая?! — хмыкнул он. — Это беззащитное создание кого хочешь **в бараний рог скрутит!** — Теперь понимаю. — Тебя пугает перспектива **бараньего рога*** (А. Голубев. Высшая степень риска). Окказиональный дериват *бараний рог*, отражает результат действия общеупотребительного фразеологизма: «покорность, подчинение». Между узуальной ФЕ и окказиональным дериватом устанавливаются тесные смысловые связи, которые придают тексту иронический оттенок.

Подобные окказиональные дериваты необходимо отличать от эллиптированных форм фразеологизма, так как в последнем случае в речи опускаются те компоненты, которые неважны для значения, у окказиональных дериватов, образованных в результате вычленения из более сложной ФЕ, внутренняя форма сосредоточивается в вычленном сочетании и мотивируется семантикой слов-компонентов и контекстом.

Образование ФЕ по конверсии — еще один способ окказиональной фразеологической деривации. Под конверсией в данном случае понимается изменение категориальной семантики фразеологизма при сохранении его общего смысла. Большинство фразеологизмов соотносится с определенной частью речи, поэтому новые ФЕ, образованные по конверсии, следует относить к окказиональным дериватам, а не к грамматическим вариантам.

Самым распространенным является перевод глагольных фразеологизмов в субстантивные. Такие изменения чаще всего вызваны условиями синтаксической связи со словами в предложении. При этом происходит актуализация ФЕ, изменяются парадигматические свойства фразеологизма, его коннотативное значение, усиливаются выразительные свойства. Например: ...*Скромно поинтересовался, как работает агрегат, над которым ломают голову в отделе. Услышав произнесенный в ускоренном темпе набор незнакомых слов и терминов, я понял, что подключиться к «ломанию головы» в ближайшем будущем не смогу!* (В. Снежин. Как заваривать чай. Записки практиканта). Субстантивный дериват *ломание головы* имеет то же значение, что и общеупотребительный фразеологизм *ломать голову*: «усиленно думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное». Вместе с тем превращение действия в объект действия придает всему высказыванию прагматический аспект: появляется самоирония.

В следующем примере в результате перевода глагольного компонента в субстантивный происходит усиление семы «постоянно, часто, настойчиво»: *Вся процедура обивания порогов собеседов представляется уже сейчас обыкновенно утомительной и унижительной* (Вечерний Омск. 2004. 20 июля).

Встречаются осложненные окказиональные дериваты, образованные по конверсии: *Сказанного здесь достаточно, чтобы понять — кровь невинных жертв, нагнетание атмосферы страха не только хорошо оплачиваются, но и требуют больших расходов* (Вечерний Омск. 2005. 1 февр.). У фразеологизма *накалять атмосферу* в значении «создавать напряженную обстановку» произошла замена глагольного компонента словом из одной тематической группы (ср.: *накалить* — «довести до крайнего напряжения» и *нагнест* — «давлением сосредоточить в каком-либо замкнутом пространстве»). При этом компонент переводится в субстантивный.

Образование окказиональных фразеологизмов может идти не только путем деривации, но и за счет переосмысления свободных словосочетаний для передачи определенного значения через конкретный образ. Подобные новообразования являются единицами речи, привязаны к контексту, т. е. являются функционально одноразовыми. Как правило, в ближайшем окружении находятся лек-

сические или фразеологические синонимы, помогающие правильно воспринять семантику вновь созданной единицы. Однако порой только широкий контекст или все произведение в целом раскрывают значение индивидуально-авторского фразеологизма, выявляют его внутреннюю форму.

Например, в повести Ю. Полякова «Работа над ошибками» можно встретить оборот *взаимное опыление* со значением «помощь, содействие своими поступками, действиями и т. п. между учителями в поисках учеников для платных консультаций, репетиторства»:

— *Я, знаете, ничего, кроме знаний, не обещаю. И взаимным опылением не занимаюсь!* — *Не понял.* — *Допустим, вы учитель математики и у вас имеется в классе непроходимый двоечник. Прибегают родители и умоляют: «Позанимайтесь с ним ради бога, нам для своего ребенка ничего не жалко!» Тогда вы возмущаетесь: мол, странное предложение, мол, жестоко карается! Родители ломают руки, а вы, разумеется, из сострадания начинаете вслух размышлять: «Вообще-то есть у меня один знакомый преподаватель, на курсах повышения квалификации познакомились. Но не знаю, согласится ли...» Папа-мама умоляют, вы ничего не обещаете, а потом звоните напарнику и говорите: «Старик, тут у меня для тебя один балбес нарисовался!» А тот радостно отвечает, что у него для вас такой же подарок имеется. <...> Вот это и называется взаимным опылением* (Ю. Поляков. Работа над ошибками). Внутренняя форма ФЕ легко определяется на фоне терминологического сочетания такого же лексического: существует вид растений, которые опыляются не насекомыми, а за счет друг друга.

В следующем примере значение индивидуально-авторского фразеологизма можно вывести только из всего произведения в целом: *А Северск, оказывается, вот что... Коля плавал туда на байдарке незадолго до их знакомства. Если он делал что-то не так, его папа, ее свекор, говорил всегда: Только не устраивай на Северск, понял?* (Г. Щербаква. Дверь в чужую жизнь). Герой повести, москвич, воспитанный в беспрекословном подчинении родителям, оказавшись без присмотра, совершил поступок, не укладывающийся в рамки поведения, установленные в семье, разрушил надежды и чаяния родителей (женится на простой девушке из маленького русского городка, чем нарушил планы о прекрасной партии с дочерью «уважаемых» родителей). Новообразование позволяет в сжатой, но емкой форме раскрыть идейное содержание произведения, дать образную характеристику герою и его семье.

В основе многих индивидуально-авторских ФЕ лежат образы из известных текстов, стихотворных или прозаических. Так, в авторской единице *чувствовать себя старухой с новым корытом* внутренняя форма фиксирует ситуацию, описанную А. С. Пушкиным в «Сказке о рыбаке и рыбке»: после того как старуха получила от рыбки новое корыто, ее желания стали расти (новая изба, стать дворянкой, царицей, владычицей морской, чтобы рыбка была у нее на посылках). Существенной связью при переосмыслении ситуации является неудержимая страсть иметь все больше и больше, жажда все большего обогащения и власти: *Но с недавних пор Красная шапочка*

стала *чувствовать себя старухой с новым корытом* (Т. Дубровская. Красная шапочка из Пскова). Новообразование имеет значение «неудержимо желать большего, чем имеешь на самом деле; неудержимая жажда нового, неизведанного».

Таким образом, окказиональные фразеологические дериваты характеризуются наличием материальных и семантических преобразований исходной ФЕ, при этом семантические преобразования затрагивают не только коннотативный, но и предметно-логический аспекты значения исходного фразеологизма. В основе же всех индивидуально-авторских фразеологизмов лежит внутренняя форма: они возникают в результате метафоризации свободных словосочетаний в процессе речи или создаются автором текста с определенной эстетической задачей.

УДК 81'373.611

Науч. спец. 10.02.20

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-74-79

ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ

Настоящая статья посвящена лингвистическому анализу глаголов, образованных от названий животных в современном немецком языке. Актуальность работы обусловлена отсутствием четкой классификации отзоонимных немецких глаголов по лексическому значению. В ходе исследования автором были выделены два типа глаголов. К первому типу относятся неметафорические глаголы со значением «охотиться на животного» и «производить потомство». Ко второму типу — глаголы, которые употребляются в переносном, метафорическом значении. Последняя группа глаголов подверглась более детальной классификации, так как зоометафоры используются для определения оценочных свойств человека и его поведения.

Ключевые слова: зооглагол, зооним, оценочное значение, стилистические особенности, метафора, лексическая единица.

Значение животного мира для человека остается существенным на протяжении многих веков, что подтверждается данными различных языков, представляющими результаты национально-культурной концептуализации действительности. Антропоцентрический характер языковой картины мира обуславливает осмысление знаний о животных с учетом «мерки человека» (Э. Бенвенист). Включение зоонимов в систему образных средств характеристики человека, расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения, поиски сходства с образами реальных мира природы — закономерный этап развития человеческого знания о себе как об особом объекте.

В системе языка зоонимы имеют развитые словообразовательные возможности. Согласно исследованию Ю. Гэн,

1. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1977. С. 125–149.

2. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М. : Высш. шк., 1980. 207 с.

3. Фразеологический словарь русского языка / сост. : Л. А. Войнова [и др.] ; под ред. А. И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М. : Астрель: АСТ, 2001. 510 с.

4. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск : ВО «Наука», Сиб. изд. фирма, 1995. 482 с.

5. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л. : Наука, 1970. 263 с.

© Глотова Е. А., 2019

Ю. Н. Горюнова
Yu. N. Goryunova

MEANING OF GERMAN VERBS FORMED FROM ANIMAL NAMES

This article is devoted to the linguistic analysis of verbs formed from the animal names in modern German. The relevance of the work is due to the lack of a clear classification of the German verbs by lexical meaning. During the study, the author identified two types of verbs. The first type includes non-metaphorical verbs with the meaning “hunt an animal” and “produce offspring”. The verbs, which are used in a figurative, metaphorical meaning, were referred to the second type. The last group of verbs has undergone a more detailed classification, since zoometaphors are used to determine the evaluative properties of a person and his behaviour.

Keywords: zoo verbs, zoonym, evaluative meaning, stylistic features, metaphor, lexical unit.

больше всего отзоонимных производных представлено в виде существительных и прилагательных, а глаголов и наречий значительно меньше [1, с. 22–25]. Глаголы, образованные от зоонимов, по сравнению с существительными и прилагательными, «непродуктивны и немногочисленны и выражают два вида значений:

а) от слов, имеющих метафорическое значение, относимое к человеку, образуются глаголы со значением ‘вести себя подобно тому, кто назван производящим словом’;

б) ‘производить на свет’ — эти глаголы создаются только от супплетивных названий детенышей» [2, с. 225–226].

Объектом настоящего исследования являются зооглаголы современного немецкого языка, такие как *äffen* (от *der Affe* «обезьяна») — «обезьянничать, подражать кому-либо»;